

Проблемы и перспективы применения искусственного интеллекта в деятельности следователя

Аннотация. Автор изучает возможности использования информационных технологий при производстве предварительного следствия, обосновывает позицию, согласно которой любая нейросеть способна оперировать только формализованными, математически представленными данными. Искусственный интеллект не может обладать нравственными качествами, столь необходимыми правоприменителю в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем в статье описаны преимущества искусственного интеллекта применительно к криминалистической методике, к доказыванию по уголовным делам. Предложенный подход может быть реализован только после разрешения концептуальных и нормативных проблем в действующей модели уголовного процесса и предварительного следствия. Они рассматриваются с учетом опыта дореволюционного и советского периодов развития нашей страны, анализируются в преломлении к смешанному и состязательному типам (формам) уголовного процесса. Сделан вывод об опасности формирования вектора развития российского уголовного судопроизводства в рамках англосаксонской системы координат, а также о целесообразности разработки и внедрения аутентичной модели предварительного следствия (и уголовного процесса в целом) в духе континентальных правовых традиций. Только после этого следует использовать возможности искусственного интеллекта применительно к криминалистической методике, к доказательственной деятельности следователя, что послужит повышению качества его работы и укреплению гарантий справедливости правосудия в целом.

Ключевые слова: уголовный процесс; предварительное следствие; следственные действия; криминалистическая методика; следователь; искусственный интеллект; математическая модель; цифровизация; нейросеть; доказательства

Для цитирования: Малина М. А. Проблемы и перспективы применения искусственного интеллекта в деятельности следователя // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 150–164. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.150-164

© Малина М. А., 2026

* Малина Максим Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета
М. Горького ул., д. 88, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, 344002
bestar@yandex.ru

Problems and Prospects of Artificial Intelligence Application in the Investigator's Activities

Maksim A. Malina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Faculty of Law, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
bestar@yandex.ru

Abstract. The author studies the possibilities of using information technologies in the production of preliminary investigations. The conclusion is substantiated that any neural network is capable of operating only with formalized, mathematically represented data. Artificial intelligence cannot possess the moral qualities that are so necessary for a law enforcement officer in criminal proceedings. At the same time, the advantages of artificial intelligence in relation to forensic methods and evidence in criminal cases are described. The proposed approach can be implemented only after resolving the conceptual and normative problems in the current model of criminal procedure and preliminary investigation. These are examined considering the experience of the pre-revolutionary and Soviet periods of our country's development, and are analyzed through the lens of the mixed and adversarial types (forms) of criminal procedure. Consequently, a conclusion is drawn regarding the danger of shaping the developmental trajectory of Russian criminal proceedings within the framework of the Anglo-Saxon framework, and the expediency of developing and implementing an authentic model of preliminary investigation (and criminal procedure as a whole) in the spirit of Continental legal traditions. Only after this should the capabilities of artificial intelligence be applied to forensic methods and to the investigator's evidentiary work, which will serve to improve the quality of his work and strengthen the guarantees of fair justice in general.

Keywords: criminal proceedings; preliminary investigation; investigative actions; forensic methods; investigator; artificial intelligence; mathematical model; digitalization; neural network; evidence

Cite as: Malina MA. Problems and Prospects of Artificial Intelligence Application in the Investigator's Activities. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):150-164. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2. 150-164

В настоящее время вопрос использования информационных технологий в деятельности следователя крайне актуален. Компьютерные системы обладают целым рядом возможностей, реализация которых могла бы повысить качество работы ведущего судопроизводства лица и эффективность предварительного следствия. Действительно, сегодня очевидны преимущества процесса цифровизации: обработка гигантских объемов данных, создание программ, способных к самообучению

и самостоятельному принятию решений (искусственный интеллект¹, нейросеть), высокая производительность, отсутствие пресловутого человеческого фактора и многое другое. И речь идет не только о программном обеспечении. В целях повышения эффективности противодействия преступности в мировой практике используются разнообразные технические устройства и системы, например программно-аппаратный комплекс для электронного мониторинга подконтрольных лиц². Еще пример. На весь мир

¹ Искусственный интеллект — это программные системы, способные к самообучению и осуществлению на этой основе соответствующих действий, принятию решений. Нейросеть является одним из методов реализации технологий искусственного интеллекта, его инструментом. Это математические модели и построенные на них алгоритмы, способные к самообучению. Они создаются под решение конкретных задач и в своем программном воплощении имитируют работу человеческого мозга. Поэтому, несмотря на то что искусственный интеллект представляет собой более широкое понятие, чем нейросеть, благодаря их единой сущности, природе, эти понятия далее будут использоваться нами как тождественные.

² См., например: *Marklund F.* Effects of Early Release from Prison Using Electronic Tagging in Sweden // *Journal of Experimental Criminology*. 2009. Vol. 5. No. 1. P. 41–61 ; *Renzema M.* Can Electronic Monitoring Reduce Crime for Moderate to High-Risk Offenders? // *Journal of Experimental Criminology*. 2005. Vol. 1. No. 2. P. 215–237.

прогремела история о том, как в Китае мужчина, задушив девушку, попытался снять с ее банковского счета деньги через приложение Money Station в ее смартфоне — он продемонстрировал на камеру лицо убитой. Но искусственный интеллект просигнализировал персоналу о необходимости самостоятельно посмотреть на подозрительно неподвижное лицо женщины. В итоге злоумышленник был задержан³. Всё это создает серьезные предпосылки к повышению роли информационных технологий в правоохранительной деятельности в целом и в уголовном судопроизводстве в частности.

При этом потенциал развития программного обеспечения, совершенствования соответствующих аппаратно-технических средств еще далеко не полностью раскрыт, не всё воплощено в жизнь. Скорее наоборот. Мы находимся в начале этого сложного и во многом опасного пути. По большому счету речь идет о совершенно новом вызове, и какого-либо опыта для достоверной оценки всех возможных здесь рисков мы не имеем. Например, И. Маск обращает внимание на грядущую угрозу замены человека искусственным интеллектом⁴. И здесь он не одинок: об опасности феномена замещения (в том числе и в правовой сфере), то есть о потенциально возможной замене людей на роботов, непредсказуемости результатов их тесного взаимодействия, взаимовлияния давно уже пишут видные зарубежные ученые⁵. Поэтому на первый план выходит необходимость глубокого теоретического осмысления соответствующих проблем, прогнозирование и аксиологическая оценка на этой основе возможных перспектив цифровизации уголовного судопроизводства.

Если говорить об информационных технологиях⁶ как об искусственном интеллекте, срав-

нивать его с познавательными возможностями человека, то в уголовно-процессуальной системе координат неизбежно встает вопрос: сможет ли компьютер когда-нибудь взять на себя функции правоприменителя? При положительном на него ответе мы получаем следователя с энциклопедическими знаниями, невероятной памятью и практически неограниченным ресурсом трудоспособности. Перед нами безупречный аналитик, работник дисциплинированный, исполнительный и неподкупный. Выглядит заманчиво, соблазнительно, вдохновляюще. Но это только на первый взгляд. И дело здесь вот в чем.

Несмотря на то что информатика насыщена такими популярными терминами, как «цифровизация», «искусственный интеллект», «нейросеть» и др., не стоит забывать: здесь в основе лежит системообразующее понятие — «программирование». Оно сейчас звучит крайне редко, но этот феномен наиболее точно отражает суть исследуемых явлений. Поэтому правильным представляется возврат к его использованию в авторитетной научной литературе⁷. Раскроем в общих чертах ключевую идею. Для того чтобы компьютер выполнил поставленные задачи, на понятном ему языке составляется программа. В итоге искусственный интеллект получает к выполнению четкую последовательность действий, операций для организации соответствующего вычислительного процесса. Чтобы формально представить, описать объект вычислений, нужно построить математическую модель. Здесь мы имеем дело с ее алгоритмическим воплощением в компьютерной программе. Это позволяет, если угодно, формализовать реальность, вывести ее познание на определенный уровень абстракции, то есть оцифровать ее

³ Искусственный интеллект раскрыл убийство, взглянув на лицо жертвы // URL: <http://myhitechdom.ru/iskusstvennyj-intellekt-raskryl-ubijstvo-vzglyanuv-na-lico-zhertvy/> (дата обращения: 03.09.2025).

⁴ Higgins T. Elon Mask Lays Out Worst-Case Scenario for AI Threat // Wall Street Journal. 2017. Vol. 7. P. 19–23.

⁵ См., например: Balkin J. M. The Path of Robotics Law. California : Yale Law School, 2015. P. 45–60 ; Calo R. Robotics and the Lessons of Ciberlaw // California Law Review. 2015. Vol. 103. No. 3. P. 548–549.

⁶ Оставим в стороне вопросы цифровой оптимизации механических, рутинных процессов в деятельности следователя. Они сегодня вполне успешно решаются без какого-либо существенного научного погружения.

⁷ См., например: Головки Л. В. М. С. Строгович и «искусственный интеллект»: о современной реинкарнации старых теорий и их этической ничтожности // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 3. С. 29–36.

для искусственного интеллекта. Отсюда термин «цифровизация», означающий преобразование действительности в цифровой, доступный для компьютера формат. Очень точно об этом высказался технический директор компании Crionet, известный разработчик и архитектор программного обеспечения Д. Эспозито, указав в интервью международному журналу Shiftmag, что «искусственный интеллект — это всего лишь программное обеспечение... он получает числа и возвращает числа»⁸.

Таким образом, мы приходим к выводу: запрограммировать можно лишь то, что подлежит формализации. Другими словами, искусственный интеллект понимает только формализованные, математически представленные данные. Поэтому в новомодном научном дискурсе о возможности правового очеловечивания нейронных сетей⁹ и наделения их правосубъектностью¹⁰ следует учитывать, что искусственный интеллект эффективен, жизнеспособен исключительно в сферах, поддающихся математическому представлению. Поэтому он не может обладать нравственными качествами (которые так ценны, востребованы в уголовном судопроизводстве), ведь какая-либо их формализация невозможна в принципе — это всё равно что пытаться взвесить невесомое.

Да и стоит ли пытаться создать математическую модель совести, любви, милости, справедливости, чести? Эти категории неизмеримы, они не подлежат регламентации. Если подвергнуть такие феномены оцифровке, формальному представлению, неизбежно произойдет выхолащивание их духовного содержания. В итоге мы получим лишь цифровой симулякр нравственного правоприменителя. Соответственно, гарантированы ошибки в его деятельности, роковые просчеты, ведь машине незнакома справедливость. Но, как метко заметил М. И. Клеандров, «без справедливых судей справедливое правосудие не может быть в принципе»¹¹. Действительно, речь идет о системообразующем начале уголовного процесса, его нравственной идее¹². Не стоит забывать, что здесь решаются судьбы людей, вопросы жизни и смерти. А. Н. Савенков очень точно указал, что уголовная политика направляет деятельность «публичной власти в сфере защиты наиболее значимых для личности, общества и государства благ, законных интересов и общественных отношений»¹³.

Теперь рассмотрим утверждение о моральной недееспособности искусственного интеллекта применительно к миссии следователя. Начнем с доказывания. Сегодня актуальность

⁸ Pavelich M. Dino Esposito: AI is software // Shiftmag, 2023. № 11. URL: <https://shiftmag.dev/dino-esposito-2031/> (дата обращения: 03.09.2025).

⁹ Повторим, нейронная сеть есть не что иное, как математическая модель, построенная и получившая свое программное воплощение по аналогии с биологической нейронной сетью (нейронные связи, обмен информацией между клетками, нейропластичность и др.). Она получает вводную информацию, проводит ее анализ, обработку и выдает конечный результат, при этом используется заложенная в нее (или, лучше сказать, запрограммированная) способность к самообучению. Поэтому нейронные сети (искусственный интеллект) часто сравнивают с мозгом человека в сфере их когнитивных компетенций.

¹⁰ См., например: Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48; Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 94–109; Зыков С. В. Проблема субъектности искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 2. С. 131–139.

¹¹ Клеандров М. И. О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. 2021. № 3. С. 9.

¹² Васильев О. Л. Является ли справедливость уголовно-процессуальным принципом? // Государство и право. 2017. № 12. С. 70.

¹³ См.: Савенков А. Н. Вопросы совершенствования уголовного права, процесса и уголовно-правовой политики // Государство и право. 2018. № 3. С. 9.

принципа свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ) никем под сомнение не ставится. Но предположим, что нейросеть сможет создать шкалу их предустановленной силы, способную охватить, вместить в себя всё многообразие жизни. Даже в этом фантастическом случае успеха здесь достичь не получится: самая передовая версия неоинквизиционной доказательственной арифметики не сможет учесть нравственно-психологических особенностей уголовно-правового казуса. Здесь просто другой уровень восприятия действительности, иная система координат. Можно вспомнить слова И. Я. Фойницкого о том, что правила формальной теории доказательств не в состоянии «обнять всего разнообразия духовной жизни человека и потому вредны для правосудия»¹⁴. А. Ф. Кони писал о правоприменителе, который в своей познавательной деятельности «призван прилагать все силы ума и совести, знания и опыта, чтобы постигнуть житейскую и юридическую правду дела»¹⁵. Повторим, у нейросети нет и не может быть совести, ее знания и опыт питаются лишь цифрами, сухими статистическими данными, ей недоступна житейская правда дела. Приходим к выводу: искусственный интеллект неприменим к оценке доказательств.

В вопросах квалификации преступления ситуация представляется нам не более оптимистичной. Здесь речь идет о правильной юридической оценке установленных в ходе доказывания обстоятельств дела. Но безошибочно выбрать подходящую к этому случаю уголовно-правовую норму не получится без ее тщательной всесторонней проверки и толкования. А здесь уже на первый план выходит правосознание следователя. При этом ключевой его составляющей является правовая психология. Именно она играет роль движущей силы для второго компонента в структуре правосозна-

ния — правовой идеологии. Обобщенно говоря, правовая психология включает в себя чувства, эмоции субъекта по отношению к праву. Происходит оценка духа юридической нормы, ее понимание, толкование не умом, но сердцем. Еще И. А. Ильин отмечал, что правосознание — это «естественное чувство права», «инстинктивная воля к духу, к справедливости»¹⁶. Вновь перед нами область, формализации не подлежащая, недоступная для оцифровки, а значит, и неподвластная искусственному интеллекту. Исходя из этого, резюмируем: нейросеть не способна быть носителем правосознания, поэтому она не может быть компетентна в вопросах толкования правовых норм и квалификации деяний.

Таким образом, заменить следователя искусственный интеллект не сможет никогда. Его роль может быть исключительно вспомогательной, это своеобразная техническая поддержка: оптимизация рутинных процедур, информационное обеспечение, управление специальной аппаратурой и т.д. В целом искусственный интеллект может только имитировать процесс познания реальности — за счет анализа статистических выборок из соответствующих массивов данных. Эта информация не отражает всестороннего, глубокого исследования действительности, она представляет лишь самый поверхностный ее пласт.

Так, за сенсационными известиями о том, что в США действует система, предсказывающая решения Верховного суда, кроется довольно простая логическая конструкция: нейросеть предвидит верный результат в 70 % случаев, опираясь на результаты анализа информации из банка данных решений Верховного суда США (начиная с 1952 г.)¹⁷. Современные китайские технологии способны заблаговременно оценить перспективы судебного процесса для его потенциальных участников, основываясь на

¹⁴ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб. : Альфа, 1996. С. 13.

¹⁵ Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные произведения. М. : Госюриздат, 1956. С. 19–20.

¹⁶ Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : Парогъ, 1993. С. 82.

¹⁷ В США разработали программу, угадывающую 7 из 10 решений Верховного суда // URL: <https://pravo.ru/review/view/124329/> (дата обращения: 03.09.2025).

данных многочисленных судебных решений и примерно 7 тыс. законов¹⁸. В Великобритании программисты так обучили нейросеть предугадывать решения Европейского суда по правам человека (на основе 584 его постановлений), что в 79 % случаев был получен правильный результат¹⁹. Полицейские Скотленд-Ярда используют искусственный интеллект в расследовании преступлений из-за его широких возможностей по обработке больших массивов данных (быстрый просмотр огромного количества сообщений в мессенджерах, изучение тысяч компьютерных файлов и др.)²⁰. При всей пользе нейросетевых информационных технологий ясно, что и здесь речь идет о механических процедурах, об операциях рутинного характера.

По нашему мнению, в криминалистической плоскости — в отношении криминалистической методики искусственный интеллект может быть очень полезен. Производство предварительного следствия — процесс творческий. Стратегия и тактика здесь в руках следователя. Вместе с тем перечень следственных действий закреплён в законе исчерпывающим образом, то есть мы имеем конечное множество их возможных комбинаций. Из этой совокупности формируются определенные выборки. Из года в год такой опыт накапливается, анализируется, и на этой основе выстраиваются оптимальные сочетания следственных действий в привязке к следственным ситуациям. Выявляются, крепнут соответствующие корреляционные связи. Рождаются, так сказать, эталонные следственные траектории для типичных случаев. По большому счету на этом и основана криминалистическая методика. Происходит аккумуляция средств и приемов криминалистической техники и так-

тики с учетом проявившихся на практике и доктринально осмысленных закономерностей, особенностей расследования отдельных видов преступлений. И чем больше такой массив данных, чем обширнее этот опыт, тем надежнее частные криминалистические методики.

Представляется, что именно здесь применение искусственного интеллекта крайне целесообразно. Это накопление, хранение огромных массивов сведений, их обработка, анализ и формирование математически выверенных выводов, рекомендаций. Применительно к конкретному случаю может быть получен некий образец, типовой алгоритм расследования²¹. Если же какое-либо его предложение проверку практикой не пройдет, то он исключит эту неудачную комбинацию следственных действий из соответствующего реестра. В обратном случае будет зафиксирован положительный результат — ранг такой директивы повысится. Запустится новый цикл перенастройки приоритетов, корректировка рейтинга результативности выдаваемых искусственным интеллектом методических рекомендаций. Перед нами динамичная саморазвивающаяся система, подвергающаяся сама себя перманентной онтологической ревизии. Здесь на первый план выходит ключевая сущностная характеристика искусственного интеллекта — его способность к анализу полученных результатов и самообучению на этой основе, к имитации деятельности человеческого мозга. В силу таких когнитивных способностей эти системы и называют искусственным интеллектом.

Перспективно также использование в расследовании уголовных дел систем генеративного искусственного интеллекта — в части их стремительно развивающихся возможностей

¹⁸ McKenzie B. Adoption of AI in Chinese Courts Paves the Way of Greater Efficiencies and Judicial Consistency // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=02b0a616-b3f6-4c11-8fd9-74f0076c51e8> (дата обращения: 03.09.2025).

¹⁹ Искусственный интеллект научился предсказывать решения ЕСПЧ // URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/6820998> (дата обращения: 03.09.2025).

²⁰ Британская полиция привлекла ИИ для помощи в раскрытии преступлений // URL: <https://habr.com/ru/news/466471/> (дата обращения: 03.09.2025).

²¹ Но оценивать эффективность, жизнеспособность представленных системой инструкций — дело следователя.

работы с текстом²². Уголовное дело состоит из разного рода документов, это протоколы следственных действий, заключения эксперта и специалиста, иные документы (ст. 84 УПК РФ), письменно оформленные результаты оперативно-розыскной деятельности (если они удовлетворяют требованиям ст. 89 УПК РФ) и др. Мы предлагаем следующее. Письменные материалы уголовного дела можно представить в виде текста²³. То есть речь идет о создании текстовой модели материалов уголовного дела. Затем она подлежит тщательному анализу со стороны искусственного интеллекта на предмет наличия логических противоречий в доказательственной базе уголовного дела. Необходимо выявить, например, противоречия в показаниях допрошенных лиц (путем сопоставления названных ими примет, адресов, дат, описаний местности, метеоусловий и др.), несоответствия выводов эксперта результатам иных следственных действий, несостыковки при воссоздании событий в ходе следственного эксперимента, в общем и целом — все возможные смысловые расхождения, несогласованности и неувязки в обоснованности обвинения, в обоснованности уголовного преследования. Ясно, что в ходе анализа текстовой модели материалов расследования нейросеть не понимает, что читает, но

она очень успешно устанавливает закономерности, шаблоны, связи между словами. И здесь могут выявляться разнообразные логические противоречия. В результате нейросеть сможет указать следователю на слабые места в текстовой модели, в текстовой проекции процесса доказывания²⁴. Проверив представленные искусственным интеллектом данные и убедившись в существовании каких-либо изъянов в доказывании, следователь может осуществить производство соответствующих следственных действий для устранения обнаруженных недостатков. То есть правоприменитель получает от нейросети информацию ориентирующего характера и использует ее в своей познавательной деятельности. Например, при выявлении системой расхождений в показаниях участников уголовного процесса следователь может устранить их далее в рамках очной ставки.

Вместе с тем необходимо понимать, что предлагаемые нами информационно-технологические направления оптимизации деятельности следователя в любом случае могут опираться только на действующую сегодня модель предварительного следствия, эти процессы неразрывно с ней связаны, возможны исключительно в границах ее, так сказать, концептуального каркаса. Они вбирают, впитывают

²² Сегодня нейросети (ChatGPT, DeepSeek, Qwen, российская GigaChat от компании «Сбер» и др.) создают уникальные, оригинальные тексты, осуществляют проверку, улучшение текста и изменение его стилистики, переводы, его суммаризацию, генерируют осмысленные диалоги, аннотации, рецензии на произведения и др. Всё это возможно благодаря применению больших языковых моделей, обучаемых на огромных объемах текстовых данных (big data). Используются миллиарды параметров для выявления разнообразных закономерностей, взаимосвязей, сложных информационных паттернов. Естественно, в целях безопасности для исследуемой предметной области применяться должны исключительно российские системы текстового искусственного интеллекта. Более того, необходимо обеспечить защиту данных от несанкционированного доступа (хранение данных на зашифрованном сервере, использование криптографических инструментов при передаче файлов и др.), особенно в случае проведения закрытого судебного разбирательства.

²³ Сведения, содержащиеся на бумажных и иных носителях (распечатанные документы, свидетельства, дипломы, паспорта, фотографии текста, рукописи и др.), без труда можно перевести в текстовый формат с помощью онлайн-сервисов для распознавания текста (NewOCR, OnlainOCR, Imagetext и др.). Естественно, для представленных здесь задач применяться должны исключительно отечественные разработки.

²⁴ Конечно же, искусственный интеллект оценку доказательств не осуществляет, система проверяет устойчивость корреляционных связей текстовой модели конкретного уголовного дела, ее логическую целостность и представляет результаты анализа следователю.

в себя как положительные, так и отрицательные черты этой модели, дают им развитие. В итоге мы получаем продвижение, укоренение в нашей правовой действительности не только ее преимуществ, но и недостатков, дефектов.

Обратимся к российской модели предварительного следствия. Во главе угла здесь — фигура следователя, его статус, его миссия. Это системообразующие начала, определяющие направление развития соответствующей уголовно-процессуальной инфраструктуры. Следователь наделен властными полномочиями для достижения своей главной цели — в полной мере обеспечить суд достоверными сведениями о произошедшем, о выявленных и предварительно доказанных обстоятельствах (*thema probandi*). Только опираясь на этот доказательственный фундамент, суд сможет выполнить дальше свою работу по отправлению правосудия. Поэтому от качества проведенного предварительного следствия, от его полноты, всесторонности, объективности во многом зависит дальнейшая судьба уголовного дела. А как же иначе? О какой справедливости может идти речь, если в суд поступает дело, расследованное односторонне, предвзято, неполно. Да, в судебном разбирательстве осуществляется новый виток доказывания, но следственный инструментариум здесь крайне ограничен²⁵ (в отличие от предварительного расследования). Сложно себе представить, как в рамках судебного следствия в открытом и гласном судебном заседании могут быть произведены обыски, выемки, контроль и запись переговоров и др.²⁶ На этих

аксиомах и строится идея предварительного следствия в континентальном уголовном процессе смешанного типа, к которому относится и российское уголовное судопроизводство. Соответственно, если роль следователя, его предназначение определены здесь законодателем так, что их воплощение в жизнь приближает нас к вышеуказанной цели, то это — благо. Если нет, то мы от успеха далеки. Рассмотрим эту мысль подробнее.

Проведенная Александром II в 1864 г. судебная реформа кардинально изменила вектор развития отечественной уголовной юстиции. Взамен архаичного инквизиционного процесса мы получили уголовное судопроизводство смешанного типа: обновленная модель предварительного следствия розыскного характера и состязательное, гласное судебное разбирательство. Принципиально изменился и статус следователя. Теперь это не представитель полиции, а должностное лицо власти судебной. Иные участники процесса, без которых суд не мог самостоятельно отправлять правосудие (вспомогательные для суда органы), также раньше относились к судебным установлениям, были подконтрольны суду. В доктрине такой подход назван концепцией полноты судебной власти²⁷. Как писал И. Я. Фойницкий, «суд должен быть силой, а для этого необходимо, чтобы в руках судебной власти сосредоточивались все мероприятия, обеспечивающие возможность судебного разбирательства и действительное осуществление судебных решений»²⁸.

²⁵ Речь идет не только о функциональной эффективности судебно-следственных действий, но и о праве суда инициировать их *officio* их производство в принципе. Это вопрос о роли российского суда в состязательном судебном разбирательстве, о степени его активности в судебном следствии, к которому мы еще вернемся далее.

²⁶ Эта же логика применима и к оперативно-розыскным мероприятиям. Мы не рассматриваем сейчас вопрос о доказательственном значении их результатов, но бесспорной представляется польза оперативно-розыскной деятельности для следователя (дознателя) и в качестве источника ориентирующей информации, расширяющей его познавательные возможности. В досудебном производстве этот эффект очевиден, в судебном разбирательстве ни концептуально, ни институционально использовать этот инструмент не представляется возможным.

²⁷ См., например: Романов С. В. Обеспечение полноты судебной власти в уголовном судопроизводстве // Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов. Т. 2 : Устав уголовного судопроизводства. М. : Юстицинформ, 2014. С. 177–189.

²⁸ Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 189.

В результате судебный следователь должен был «с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие» (ст. 265 УУС). В научной литературе тех лет очень точно по этому поводу высказался С. И. Викторский, указав на обязанность следователя оставаться на высоте беспристрастного судьи, «одинаково ревностно отыскивая данные за и против обвиняемого», постоянно при этом «озабочиваясь собиранием доказательств для выяснения уголовно-судебной истины»²⁹. Соответственно, доказывание по уголовному делу приобрело судебный характер и находилось под контролем судебной власти. В итоге при рассмотрении дела по существу суд оперировал судебными доказательствами³⁰ и направлял ход дела к раскрытию истины (ст. 613 УУС). Поэтому, несмотря на состязательный характер судебного разбирательства, роль суда здесь была активна: обеспечивая сторонам возможность полноценно отстаивать свою позицию, он не обязан был опираться лишь на представленные ими сведения и мог сам собирать доказательства по делу. В целом отечественное уголовное судопроизводство тех лет вполне соответствовало высоким классическим континентальным стандартам.

После Октябрьской революции 1917 г. уголовный процесс прошел нелегкий путь в поисках своего места в принципиально новых условиях, испытал множество пертурбаций аксиологического, телеологического, юридико-технического свойства. Ситуация стабилизировалась с принятием УПК РСФСР 1960 г. С этого момента можно говорить о классическом советском уголовном процессе, о его автономной модели. Естественно, по отношению к дореволюционно-

му периоду³¹ здесь произошла тотальная институциональная перестройка, серьезных реформ и модификаций можно отметить немало: введена стадия возбуждения уголовного дела, предварительное следствие утратило судебную природу, приблизившись к полицейскому дознанию, теперь это две формы предварительного расследования, установлен строгий и полномочный прокурорский надзор³² за досудебным производством, в ходе которого осуществляется и руководство расследованием³³, в системе прокуратуры создан свой следственный аппарат, упразднен суд с участием присяжных и учрежден институт народных заседателей, исключен апелляционный пересмотр приговоров и т.д.

С другой стороны, несмотря на все многочисленные правовые метаморфозы, советское уголовное судопроизводство всё же сохранило основные континентальные черты (Франция, дореволюционная Россия и др.). Здесь так же представлены ключевые атрибуты смешанного процесса: единое и неделимое уголовное дело, система сменяющих друг друга при производстве по уголовному делу стадий, предварительное следствие розыскного характера, следственное действие³⁴, институт гражданского иска, судебное состязание сторон в устном и гласном процессе, судебное следствие и активная роль суда, направленность предварительного следствия и судебного разбирательства на отыскание материальной (объективной) истины по делу и др. Исходя из этого, можно говорить об определенной степени преемственности при смене парадигмы развития нашей страны.

Представленные модели отвечали духу времени, сохраняли приверженность правовым традициям, адекватно вписывались в отечественные правовые системы тех лет и в рома-

²⁹ Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1997. С. 359.

³⁰ См.: Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство — судопроизводство. СПб., 1913. С. 376.

³¹ Здесь и далее мы имеем в виду период от начала судебной реформы Александра II и до революции 1917 г.

³² По сути, он был призван восполнить, скомпенсировать несудебный характер предварительного следствия.

³³ См. подробнее об этом: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 118.

³⁴ В дореволюционный период следственные действия именовались процессуальными.

но-германскую правовую систему координат в целом. Чего нельзя сказать о современном российском уголовном процессе. Он словно соткан из сущностных противоречий, институционально и концептуально рассинхронизирован. Поэтому сейчас очень остро стоит вопрос о его легитимности, аксиологической состоятельности, жизнеспособности.

С одной стороны, на постсоветском этапе какого-либо системного, коренного демонтажа континентальной уголовно-процессуальной архитектуры не произошло. Здесь явно просматриваются контуры классической смешанной модели процесса, видно наследие дореволюционного и советского периодов. Сохранились стадии возбуждения уголовного дела, формы предварительного расследования, механизм привлечения лица в качестве обвиняемого. Ведущему судопроизводству лицу вверен инструментарий следственных действий, применяется принцип свободной оценки доказательств, действуют презумпция невиновности, институты предмета и пределов доказывания, гражданского иска. Правосудие отправляется преимущественно профессиональным составом суда, но возрожден суд с участием присяжных заседателей. Список примеров можно продолжить, но и так ясно, что настоящая модель уголовного процесса в своей основе континентальную природу сохранила.

Вместе с тем в действующий УПК РФ были заложены такие нормативные конструкции, которые создали предпосылки для развития уголовного судопроизводства в прямо противоположном направлении. Дело в том, что изначально при его подготовке сформировалось два подхода к определению развития нового российского уголовного судопроизводства. Первый вариант предполагал радикальную смену парадигмы. Предлагался полный переход от традиционной смешанной формы отечественного уголовного процесса, его классических континентальных оснований к модели чистой состязательности в духе англосаксонских правовых канонов. Согласно второму подходу, модернизация российского уголовного судопроизводства должна

была проходить в рамках смешанной инфраструктуры, без кардинальных расхождений с континентальной системой координат. В итоге ни один из этих вариантов полностью реализован не был. В результате разнонаправленности влияний, политической конкуренции, идеологического противоборства (смена рабочих групп, хаотичные изменения проектов УПК, активное включение в эту работу американских экспертов и др.) получилась эклектичная модель уголовного процесса. Здесь собраны элементы разной правовой природы, концептуально взаимоисключающие, несовместимые между собой³⁵.

Обратим внимание: теперь дознаватель, следователь и прокурор причислены к стороне обвинения. Более того, согласно ч. 1 ст. 15 УПК РФ состязательным объявлено уголовное судопроизводство, то есть и его досудебные стадии. Но как всё это соотносится с обязанностью следователя в ходе доказывания устанавливать исключающие преступность и наказуемость деяния обстоятельства, обстоятельства, смягчающие наказание, влекущие за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (ст. 73 УПК РФ)? К тому же если говорить о состязательном досудебном производстве, то и сторона защиты должна выступать здесь в качестве полноценного субъекта доказывания. Это логично, это аксиома. Действительно, в ч. 3 ст. 86 УПК РФ говорится о том, что защитник вправе собирать доказательства. Но он при этом не уполномочен (и не может быть уполномочен в принципе) на производство следственных действий, а это основной способ получения доказательств. Не упоминается защитник и в числе субъектов доказывания в ст. 74 УПК РФ (их перечень здесь закреплён исчерпывающим образом). Парадокс. Поэтому предварительное расследование в реальности состязательным не является. Оно не может быть таковым в принципе, иначе распадаются все его несущие конструкции: единое уголовное дело, следственное действие, предмет доказывания, уголовно-процессуальное решение и др.

Далее. Очевиден отказ от активной роли суда в судебном разбирательстве. Согласно ч. 3 ст. 15

³⁵ Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. М.: Статут, 2021. С. 172–181.

УПК РФ теперь он лишь создает необходимые условия сторонам для отстаивания своих позиций. Суд не уполномочен определять порядок исследования доказательств, что соответствует англосаксонской процессуальной логике. Буквальное толкование закона позволяет заключить, что он не может по собственной инициативе осуществлять многие судебно-следственные действия: производить осмотр вещественного доказательства (ч. 1 ст. 284 УПК РФ), вызывать на допрос свидетеля (ч. 3 ст. 278 УПК РФ) и др. Да и сам алгоритм допроса сконструирован по состязательным лекалам (ст. 275, 277, 278 УПК РФ). С другой стороны, сохранение этапа прений сторон — признак континентальной модели. И вообще непонятно, как пассивная роль суда может соотноситься с возложенной на него миссией по установлению предмета доказывания (ст. 73, ч. 1 ст. 74, ст. 85, ч. 1 ст. 86 УПК РФ и др.), с его правом по своей инициативе проводить ряд судебно-следственных действий (ст. 282, 283, 286 УПК РФ), признавать доказательство недопустимым и т.д.

Еще отметим, что пассивная роль суда в англосаксонском уголовном процессе во многом обусловлена максимально широкой компетенцией суда присяжных (практически ординарный порядок) и наличием сдерживающего его механизма сделок о признании вины (*plea bargaining*)³⁶. При таком подходе судопроизводство проходит по формуле «нет спора — нет процесса», решающую роль здесь играет позиция сторон. У нас же в духе континентальных традиций подавляющее количество уголовных дел рассматривается профессиональным составом суда. И концепция сделок с правосудием по своей природе не вписывается в классический российский процессуальный контекст. Вместе с тем явной попыткой изменить такое положение дел в сторону англосаксонских образцов было

введение особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ). Здесь признательные показания обвиняемого в первую очередь выступают в качестве критерия для дифференциации уголовного судопроизводства³⁷. Этот подход противоречит континентальной логике, согласно которой форма судебного разбирательства не может зависеть от признания обвиняемым своей вины. Такое признание рассматривается исключительно в гносеологическом ключе — это рядовое доказательство.

Список противоречий и несостыковок можно продолжить, но и так ясно, что в действующем УПК РФ мы видим принципиальное столкновение двух мировоззренческих систем, политико-правовых идеологий: англосаксонской и континентальной (применительно к российскому опыту). Особый накал этой борьбе за власть придает упразднение принципа материальной истины. Это системообразующее начало дореволюционного, советского уголовного процесса, на нем построена и континентальная модель в целом. Здесь следовательно не представляет сторону обвинения, он должен всесторонне, полно, объективно исследовать и устанавливать обстоятельства дела, а суд активен в судебном разбирательстве и уполномочен собирать доказательства по собственной инициативе. Суть этого принципа очень точно раскрыл выдающийся советский процессуалист М. С. Строгович: «Установление в соответствии с действительностью события преступления, всех составляющих его фактов, действий совершивших его лиц есть достижение материальной истины»³⁸. То есть речь идет о соответствии выводов суда тому, что было в действительности.

В противовес такому подходу вместо принципа материальной истины у нас был учрежден принцип состязательности в его чистом

³⁶ Ввиду чрезвычайной ресурсозатратности этой формы судопроизводства во всех правопорядках предусмотрены способы ограничения ее компетенции. Превратить ее в общий порядок судопроизводства невозможно: такой нагрузки не выдержит ни один бюджет в мире. В континентальной модели уголовного процесса подсудность суда присяжных четко устанавливается в законе (ограничивается нормативно). У англосаксов для этого используется институт сделок о признании вины.

³⁷ Курс уголовного процесса. С. 1060–1065.

³⁸ Строгович М. С. Избранные труды : в 3 т. Т. 3 : Теория судебных доказательств. М. : Наука, 1991. С. 17.

англосаксонском варианте. Как было показано, полноценного, адекватного воплощения и развития в нашем нормативном контексте он не получил, мы видим здесь лишь фрагментарные его вкрапления. Иначе и быть не может, так как законодатель в действующей уголовно-процессуальной кодификации попытался совместить несовместимое — совершенно разные по своей правовой природе конструкции. Это породило множество проблем, вопросов и дилемм.

Обобщить их можно следующим образом. В реальности мы имеем несостязательное досудебное производство, где сторона защиты доказательства собирать не может. При этом предварительное расследование ведут представители стороны обвинения (дознатель или следователь), не связанные требованием всесторонне, полно и объективно устанавливать обстоятельства уголовного дела. В итоге оно передается в суд, который лишен возможности действовать активно и по большому счету только создает необходимые процессуальные условия для состязания сторон. Но что представит в судебном разбирательстве сторона защиты? Ясно, что такое состязание пройдет в принципиально разных весовых категориях. Это может очень серьезно ослабить право обвиняемого на защиту и препятствовать справедливому разрешению дела.

Итак, в нормативном смысле ситуация патологическая. На практике этот уголовно-процессуальный конфликт интересов в какой-то мере преодолевается благодаря правосознанию правоприменителя, его естественному чувству права, чувству справедливости. Поэтому сегодня искусственный интеллект в уголовном процессе не только бессилен, но и вреден. Выше мы доказали, что он не способен быть носителем правосознания. Он может лишь зафиксировать, оцифровать действующую модель предварительного следствия и уголовного процесса в целом (со всеми представленными здесь противоречиями, несоответствиями и парадоксами) и далее бездушно «совершенствовать», оптимизировать, механически закрепляя, укореняя,

развивая всю ее противоречивость и несостоятельность. В итоге с каждым новым циклом это будет лишь отдалять следователя от правильных действий и решений. Об опасности такого подхода говорить излишне.

Возникает вопрос: как найти выход из сложившейся ситуации? Полагаем, что представленные проблемы требуют решений радикального характера: следует устранить разновекторность, взаимоисключаемость уголовно-процессуальных начал, в нормативном поле нивелировать эффект лоскутного одеяла.

Вариант первый: сделать окончательный выбор в пользу англосаксонских образцов и полностью заимствовать состязательную модель. Отметим сразу, что такой шаг представляется нам очевидной утопией. Он противоречит российским правовым традициям, нашей социальной памяти, правовому менталитету. Здесь налицо «генетическая» несовместимость правовых культур, правосознания, совершенно иная уголовно-процессуальная наследственность. Для англосаксонской модели просто нет правового, идеологического, психологического, социального фундамента, духовной почвы. В итоге под угрозой окажется вся наша правовая система.

Поэтому мы предлагаем второй вариант: возврат к аутентичности российского уголовного процесса, его развитие в рамках континентальной системы координат, полное упразднение всех англосаксонских конструкций. И здесь мы не одиноки, об этом пишут многие авторитетные ученые. Так, Л. В. Головкич отмечает, что «восстановление континентальной логики в ее современном понимании и должно стать программой нашего развития»³⁹. В первую очередь необходимо вернуться к принципу материальной (объективной) истины — это ключевая идея концепции смешанного процесса, ее лейтмотив. На передний край выходит также проблема определения статуса следователя: нужно ли восстановить фигуру судебного следователя и передать предварительное следствие судебной власти или сохранить несудебное следствие и вернуть прокуратуре традиционные надзорные

³⁹ Головкич Л. В. Спор об истине — это спор о векторе развития российского уголовного процесса // Судья. 2014. № 10. С. 4.

полномочия в духе советских уголовно-процессуальных начал? Ясно, что работы здесь немало.

Но в любом случае следует сделать однозначный вывод: искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве — это не цель, а средство, средство его совершенствования и адекватного развития. Поэтому сначала необходимо разработать и внедрить аутентичную модель российского предварительного следствия, уголовного процесса континентального типа в целом, а затем уже использовать компьютерные технологии для повышения качества работы правоприменителя. Тогда предложенные нами выше программная аккумуляция, обработка средств и приемов криминалистической техники и тактики, модернизация системы дока-

зывания в рамках предварительного следствия будут развиваться в логически и аксиологически целостной процессуальной системе координат, в основе которой — континентальные, российские уголовно-процессуальные начала и традиции.

При таком положении дел представленные здесь рекомендации по использованию искусственного интеллекта для развития криминалистической методик, привлечению к доказательственной деятельности следователя нейросетевых языковых моделей послужат совершенствованию его правосознания, повышению качества предварительного следствия и укреплению на этой основе гарантий справедливости правосудия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Васильев О. Л.* Является ли справедливость уголовно-процессуальным принципом? // Государство и право. — 2017. — № 12. — С. 64–71.
2. *Викторский С. И.* Русский уголовный процесс. — М., 1997. — 448 с.
3. *Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А.* Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал высшей школы экономики. — 2018. — № 4. — С. 24–48.
4. *Головко Л. В. М. С.* Строгович и «искусственный интеллект»: о современной реинкарнации старых теорий и их этической ничтожности // Судебная власть и уголовный процесс. — 2021. — № 3. — С. 29–36.
5. *Головко Л. В.* Спор об истине — это спор о векторе развития российского уголовного процесса // Судья. — 2014. — № 10. — С. 4–10.
6. *Зыков С. В.* Проблема субъектности искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 2. — С. 131–139.
7. *Ильин И. А.* О сущности правосознания. — М. : Рарог, 1993. — 235 с.
8. *Клеандров М. И.* О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. — 2021. — № 3. — С. 7–23.
9. *Кони А. Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные произведения. — М. : Госюриздат, 1956. — 888 с.
10. Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головко. — М. : Статут, 2021. — 1 328 с.
11. *Малина М. А.* Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам: проблемы и перспективы // Государство и право. — 2022. — № 1. — С. 91–97.
12. *Малина М. А.* Нравственные основания российского уголовного процесса // Государство и право. — 2024. — № 1. — С. 141–146.
13. *Малина М. А.* Цифровизация российского уголовного процесса: искусственный интеллект для следователя или вместо следователя // Российский следователь. — 2021. — № 2. — С. 29–32.
14. *Романов С. В.* Обеспечение полноты судебной власти в уголовном судопроизводстве // Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов. Т. 2 : Устав уголовного судопроизводства. — М. : Юстицинформ, 2014. — 340 с.

15. Савенков А. Н. Вопросы совершенствования уголовного права, процесса и уголовно-правовой политики // Государство и право. — 2018. — № 3. — С. 5–13.
16. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. — СПб., 1913. — 670 с.
17. Строгович М. С. Избранные труды : в 3 т. Т. 3 : Теория судебных доказательств. — М. : Наука, 1991. — 300 с.
18. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. — М., 1958. — 703 с.
19. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. — СПб. : Альфа, 1996. — 552 с.
20. Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 12. — С. 94–109.
21. Balkin J. M. The Path of Robotics Law / J. M. Balkin. — California : Yale Law School, 2015. — 16 p.
22. Calo R. Robotics and the Lessons of Ciberlaw // California Law Review. — 2015. — Vol. 103. — № 3. — P. 513–563.
23. Higgins T. Elon Mask Lays Out Worst-Case Scenario for AI Threat // Wall Street Journal. — 2017. — Vol. 7. — P. 19–23.
24. Marklund F. Effects of Early Release from Prison Using Electronic Tagging in Sweden // Journal of Experimental Criminology. — 2009. — Vol. 5. — No. 1. — P. 41–61.
25. Renzema M. Can Electronic Monitoring Reduce Crime for Moderate to High-Risk Offenders? // Journal of Experimental Criminology. — 2005. — Vol. 1. — No. 2. — P. 215–237.

Материал поступил в редакцию 3 сентября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vasilev O. L. Yavlyaetsya li spravedlivost ugovovno-protseessualnym printsipom? // Gosudarstvo i pravo. — 2017. — № 12. — S. 64–71.
2. Viktorskiy S. I. Russkiy ugovovnyy protsess. — M., 1997. — 448 s.
3. Gadzhiev G. A., Voynikanis E. A. Mozhet li robot byt subektom prava (poisk pravovykh norm dlya regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki)? // Pravo. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki. — 2018. — № 4. — S. 24–48.
4. Golovko L. V. M. S. Strogovich i «iskusstvennyy intellekt»: o sovremennoy reinkarnatsii starykh teorii i ikh eticheskoy nichtozhnosti // Sudebnaya vlast i ugovovnyy protsess. — 2021. — № 3. — S. 29–36.
5. Golovko L. V. Spor ob istine — eto spor o vektore razvitiya rossiyskogo ugovovnogo protseessa // Sudya. — 2014. — № 10. — S. 4–10.
6. Zykov S. V. Problema subektnosti iskusstvennogo intellekta // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2024. — № 2. — S. 131–139.
7. Ilin I. A. O sushchnosti pravosoznaniya. — M.: Rarog, 1993. — 235 s.
8. Kleandrov M. I. O napravleniyakh sovershenstvovaniya mekhanizma sudebnoy vlasti v obespechenii spravedlivosti pravosudiya // Gosudarstvo i pravo. — 2021. — № 3. — S. 7–23.
9. Koni A. F. Nравственные начала в уголовном процессе. Избранные произведения. — М.: Госюриздат, 1956. — 888 с.
10. Kurs ugovovnogo protseessa / pod red. d. yu. n., prof. L. V. Golovko. — M.: Statut, 2021. — 1 328 s.
11. Malina M. A. Ispolzovanie iskusstvennogo intellekta pri otpravlenii pravosudiya po ugovovnym delam: problemy i perspektivy // Gosudarstvo i pravo. — 2022. — № 1. — S. 91–97.
12. Malina M. A. Nравственные основания российского уголовного процесса // Gosudarstvo i pravo. — 2024. — № 1. — S. 141–146.
13. Malina M. A. Tsifrovizatsiya rossiyskogo ugovovnogo protseessa: iskusstvennyy intellekt dlya sledovatelya ili vmesto sledovatelya // Rossiyskiy sledovatel. — 2021. — № 2. — S. 29–32.

14. Romanov S. V. Obespechenie polnoty sudebnoy vlasti v ugovnom sudoproizvodstve // Velikaya reforma: k 150-letiyu Sudebnykh ustavov. T. 2: Ustav ugovnogo sudoproizvodstva. — M.: Yustitsinform, 2014. — 340 s.
15. Savenkov A. N. Voprosy sovershenstvovaniya ugovnogo prava, protsessa i ugovno-pravovoy politiki // Gosudarstvo i pravo. — 2018. — № 3. — S. 5–13.
16. Sluchevskiy V. K. Uchebnik russkogo ugovnogo protsessa. Sudoustroystvo — sudoproizvodstvo. — SPb., 1913. — 670 s.
17. Strogovich M. S. Izbrannye trudy: v 3 t. T. 3: Teoriya sudebnykh dokazatelstv. — M.: Nauka, 1991. — 300 s.
18. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa. — M., 1958. — 703 s.
19. Foynitskiy I. Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. T. 1. — SPb.: Alfa, 1996. — 552 s.
20. Channov S. E. Robot (sistema iskusstvennogo intellekta) kak subekt (kvazisubekt) prava // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — № 12. — S. 94–109.
21. Balkin J. M. The Path of Robotics Law / J. M. Balkin. — California: Yale Law School, 2015. — 16 p.
22. Calo R. Robotics and the Lessons of Ciberlaw // California Law Review. — 2015. — Vol. 103. — № 3. — P. 513–563.
23. Higgins T. Elon Mask Lays Out Worst-Case Scenario for AI Threat // Wall Street Journal. — 2017. — Vol. 7. — P. 19–23.
24. Marklund F. Effects of Early Release from Prison Using Electronic Tagging in Sweden // Journal of Experimental Criminology. — 2009. — Vol. 5. — No. 1. — P. 41–61.
25. Renzema M. Can Electronic Monitoring Reduce Crime for Moderate to High-Risk Offenders? // Journal of Experimental Criminology. — 2005. — Vol. 1. — No. 2. — P. 215–237.